

«СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ»

Назовите в кругу читающих, в любой библиотеке имя Марии Марич — и все тотчас же благодарно откликнутся: «Северное сияние»!

Есть писатели особой судьбы. Десятилетиями длится их творческий труд, они издают романы и поэзии, публикуют рассказы, пишут пьесы, честно делают многие труды и заботы своих современников, но в представлении читателей их имя прочно связано только с одной-единственной книгой. Главной Книгой их жизни.

«Северное сияние» издавалось десятки раз, и сегодня, после более чем полувека своего существования, не почит в покое на библиотечных полках, а читается много, с живым интересом. Это трудное писательское счастье: многие сотни неопубликованных страниц, неустанный поиск, новые рукописи и постоянное столкновение возникающих замыслов со все той же, одной-единственной книгой, мужественное возвращение к этой книге, на первый взгляд, уже отделившейся от автора, принадлежащей читателю, библиотекам. Ведь целое — книга — уже сложилось, принято и признано, и надо иметь особую отвагу, предчувствие собственной судьбы, чтобы разрушить постройку и вновь начать класть стены.

Еще в 1918 году юная Мария Марич написала роман о революции 1905 года — «Сухие ветви». Но рукопись, получившая высокую оценку академика Д. Н. Овсянко-Куликовского, затерялась среди бумаг «Вестника Европы» и только спустя десятилетия была случайно обнаружена и опубликована в ГИХЛЕ. Жизнь как бы с порога приучала Марию Марич к особой доблести художника — несуетности, терпению и мужеству перед лицом обстоятельств. Много лет писалась и книга «Жизнь и плавание флота капитана-лейтенанта Федора Литке» (1949) — повествование о выдающемся русским мореплавателе. Все, чем располагала наука, что скрывали хранилища рукописей, документов, было изучено, познано, введено в обиход: мастер не прельстился легкой, пусть и позволительной, беллетризацией наиболее значительных, выигранных эпизодов жизни Федора Литке. Книга о нем Марии Марич, ничего не потеряв в увлекательности и образной силе, обрела и значение серьезного исторического исследования. А повесть «Тринадцатый элемент» (1958), подкупающая читателя естественностью характеров, вместе с тем окажется полезной историке науки и техники, так достоверно рассказано в ней о создании новой для страны отрасли промышленности — алюминиевой.

В архиве Марии Марич хранятся незавершенные и неизданные работы: роман-летопись «Конец Романовых», охватывающий с ретроспекциями всю историю династии — от Смутного времени до казни последнего из Романовых; книга о Герцене, Белинском, Тургеневе, Станкевиче и других выдающихся деятелях России 40—50-х годов прошлого века («Аннибала клятва»). Работа над этой книгой началась еще в тридцатые годы, но «когда разразилась война, — написала впоследствии в своей «Автобиографии» Мария Марич, — я уже не могла заниматься исторической темой».

Сегодня, обдумывая жизнь и труды Марии Марич, понятно, что ей понадобились бы две жизни для исполнения всех этих замыслов. Мешало принятое ею обыкновение ко всему прикоснуться своей рукой и мыслью, ничего не брать на веру или готовым из чужих книг. Мешало, как это ни парадоксально, и «Северное сияние»: оно не блекло, не меркло над ней и в тяжкий час войны, оно осеняло ее всегда, тревожа память.

В трудные дни лета 1943 года, занятая неотложными делами, военными темами, чтением новых рассказов по радио, она, вопреки собственному опасению, что жгу-

чая современность военной поры отменит все другие темы, не забывает и истории, и записывает в дневнике: «Начинаю очень любить своих героев, даже скучаю по ним, уже хорошо различаю их голоса, смех, походку...» Удивительная сосредоточенность на образах героев прошлого, способность видеть их рядом с собой, как близких, до конца понятых людей, позволили Марич создать столь многолюдный роман, как «Северное сияние», совладать с его многоголосием.

Уникальна сама история написания этой книги. Вышедший первым изданием в 1926 году и снискавший признание, роман оказался, в сущности, только первым наброском будущей эпопеи. Ни одно из переизданий «Северного сияния» не было механическим, матричным — всегда новый поиск, более глубокое проникновение в тайны прошлого и внутренний мир героев.

В двадцатые и тридцатые годы наша историческая наука открывала все новые, скрытые до революции пласты прошлого, бесценные документы о декабристах, составившие не один объемистый том. И Мария Марич не могла пройти мимо этих открытий: она продолжала делать то, что, быть может, труднее всего художнику, — создавала свой роман как бы заново. Не приукрашивала давнюю постройку новой лепниной, а продолжала творить, заново проходя весь этот воистину крестный для писателя путь.

Так пишутся книги, которым суждена долгая жизнь в литературе и культуре, книги, которые помогают будущим авторам со всем блеском и глубиной разрабатывать частные проблемы, детали огромного исторического полотна, тогда как первопроходцы взваливают на свои плечи всю глыбу.

9 мая 1945 года она записала в дневнике: «Война кончена! Нет таких слов, чтобы выразить переполняющие душу чувства. Какой-то мыслитель сказал, что бедствия наполеоновского нашествия в какой-то степени искуплены созданием толстовской «Войны и мира». Какое же сочинение должно быть написано, чтобы оно могло «искупить» страшные бедствия минувшей войны! Если собрать все слезы и кровь, пролитые за эти четыре года, — на земном шаре образовался бы еще один Великий или Скорбный океан».

Не случайно Мария Марич во втором случае взяла слово «искупить» в кавычки; и все же здесь мысль не о тщете усилий писателя, а о великой его ответственности за жизнь на земле.

Александр БОРЦАГОВСКИЙ.

Жизнь, 1983, № 24